

Оригинальная статья / Original article

Типология синтетических форм прошедшего времени глагола в удмуртском языке (эвиденциальность и темпоральность)

К. С. Ефимов*Удмуртский государственный университет,**г. Ижевск, Российская Федерация*✉ kirill_udm@vk.com

Аннотация

Введение. На сегодняшний день в научной литературе недостаточно изученной остается грамматическая и темпоральная семантика форм глагола прошедшего времени в удмуртском языке, традиционно обозначаемых как «I прошедшее время» и «II прошедшее время». Основным различием этих грамматических форм, по данным нормативных грамматик удмуртского языка, является наличие у II прошедшего времени эвиденциальной семы. Однако сведения о характере протекания каждого из двух грамматических времен, т. е. о темпоральной семантике, отсутствуют. Цель исследования – выявить значения, выражаемые синтетическими формами прошедшего времени удмуртского глагола, а также уточнить их сходства и различия.

Материалы и методы. Материалом исследования послужили предложения из художественных удмуртских текстов, извлеченные из Национального корпуса удмуртского языка. Было проанализировано более 5 тыс. словоупотреблений глагола в синтетических формах прошедшего времени. В качестве методологической базы исследования выступили метод сплошной выборки, контекстного анализа, типологический, а также описательный.

Результаты исследования и их обсуждение. В работе впервые представлен анализ двух синтетических форм глагола прошедшего времени в удмуртском языке с точки зрения темпоральной и эвиденциальной семантики. Темпоральная семантика рассмотренных форм совпадает: обе они могут выражать перфектные (статальный, акциональный перфект; прошедшее в значении будущего) и аористные значения (прошедшее индифферентное и прошедшее нарративное). Особенностью удмуртского претерита является возможность выражать и иные темпоральные значения в сочетании с другими грамматическими категориями удмуртского глагола. Относительно эвиденциальной семантики одна из форм является эвиденциально-нейтральной, в то время как другая выражает значение косвенной эвиденциальности.

Заключение. Рассмотренные формы можно обозначить как претерит, обладающий достаточно широкой темпоральной функциональностью. Относительно эвиденциальной семантики ключевым различием двух данных форм глагола является наличие у одной из них эвиденциальной семы. В соответствии с грамматической типологией, I прошедшее время можно обозначить как претерит индикатива, а II прошедшее время – как претерит эвиденциалиса. Дальнейшее исследование данных грамматических форм и их межкатегориальных взаимосвязей позволит значительно расширить знания о системе времен удмуртского глагола.

Ключевые слова: удмуртский язык, грамматика удмуртского языка, глагол, прошедшее время, претерит, перфект, аорист, темпоральность, эвиденциальность

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Ефимов К. С. Типология синтетических форм прошедшего времени глагола в удмуртском языке (эвиденциальность и темпоральность) // Финно-угорский мир. 2024. Т. 16, № 4. С. 417–430. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.016.2024.04.417-430>

© Ефимов К. С., 2024

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Typology of Synthetic Forms of the Past Tense of the Verb in the Udmurt Language (Evidentiality and Temporality)

K. S. Efimov

Udmurt State University, Izhevsk, Russian Federation

✉ kirill_udm@vk.com

Abstract

Introduction. As of today, the grammatical and temporal semantics of the past tense verb forms in the Udmurt language, traditionally designated as “1st past tense” and “2nd past tense”, remain insufficiently studied in academic and scholarly literature. The main difference between these grammatical forms, according to the normative grammars of the Udmurt language, is the presence of an evidential seme in the 2nd past tense. However, information on the nature of the flow of each of the two grammatical tenses, i.e. on the temporal semantics, is missing. The purpose of the research is to identify the meanings expressed by the synthetic forms of the past tense of the Udmurt verb, as well as to specify their similarities and differences.

Materials and Methods. The material for the study consisted of sentences from literary Udmurt texts, extracted from the National Corpus of the Udmurt language. More than 5,000 instances of verb usage in synthetic past tense forms were analyzed. The methodological framework of the study included the methods of continuous sampling, contextual analysis, typological, and descriptive approaches.

Results and Discussion. The paper presents, for the first time, an analysis of two synthetic forms of the past tense verb in the Udmurt language from the perspective of temporal and evidential semantics. The temporal semantics of the forms considered are identical: both can express perfect meanings (statal perfect, actional perfect, past with future meaning) as well as aorist meanings (indifferent past and narrative past). A distinctive feature of the Udmurt preterite is its ability to convey additional temporal meanings when combined with other grammatical categories of the Udmurt verb. Regarding evidential semantics, one form is evidentially neutral, while the other expresses the meaning of indirect evidentiality.

Conclusion. The forms we have examined can be identified as a preterite with fairly broad temporal functionality. From the perspective of evidential semantics, it is confirmed that the key difference between these two verb forms lies in the presence of an evidential seme in one of them. According to grammatical typology, the 1st past tense can be designated as the indicative preterite, while the 2nd past tense can be referred to as the evidential preterite. Further research into these grammatical forms and their inter-categorical relationships will significantly expand our understanding of the Udmurt verb tense system.

Keywords: Udmurt language, grammar of the Udmurt language, verb, past tense, preterite, perfect, aorist, temporality, evidentiality

Conflict of interest: The author declares no conflict of interest.

For citation: Efimov K.S. Typology of Synthetic Forms of the Past Tense of the Verb in the Udmurt Language (Evidentiality and Temporality). *Finno-Ugric World*. 2024;16(4):417–430. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.016.2024.04.417-430>

Введение

Современный удмуртский язык обладает богатой системой прошедших времен. По сравнению с граммемами настоящего и будущего времени, граммаема прошедшего времени в нем может быть выражена разными грамматическими формами глагола. Вслед за Б. Комри мы понимаем «значение прошедшего времени как место во времени, предшествующее настоящему моменту»¹. В прошедшем времени удмуртского глагола тип временного дейксиса не является таким сложным, как в настоящем, что обусловлено более четким расположением событий на временной оси относительно точки отсчета.

В статье речь пойдет о двух формах прошедшего времени, признаваемых всеми современными лингвистами. Первая форма образована с помощью тематического гласного *-i*, вторая – от причастия на *-m*. Традиционно в удмуртском языкознании они имеют термины «I прошедшее время» и «II прошедшее время», либо «очевидное прошедшее время» и «неочевидное прошедшее время». В рамках работы мы рассматриваем обе грамматические формы как претерит, но с той разницей, что эти формы относятся к разным наклонениям – изъявительному (индикативу) и неочевидному (эвиденциалису).

¹ Comrie B. *Tense*. Cambridge : Cambridge University Press, 1985. P. 41.

Неочевидное наклонение (удм. *тодмотэм сям*) впервые было выделено Э. Винклером². Несмотря на то, что данная концепция не получила широкого распространения, мы считаем ее наиболее подходящей для удмуртского языка на современном этапе его развития. Подобную точку зрения высказала также А. И. Кузнецова: согласно ей, эвиденциальность в уральских языках «можно считать разновидностью категории наклонения»³. Также «неочевидное наклонение» выделяется в родственном удмуртскому хантыйском языке [1].

Цель исследования – выявление типов темпорально-семантических значений глагольных форм претерита в удмуртском языке. Недостаточная изученность синтетических форм глагола прошедшего времени в удмуртском языке, неразграниченность в научной литературе характера протекания действия во времени между двумя рассматриваемыми грамматическими формами обуславливают актуальность работы.

Обзор литературы

Основными источниками сведений о прошедшем времени в удмуртском языке на сегодняшний день являются данные нормативных грамматик и некоторые монографии. Так, например, «Грамматика современного удмуртского языка» (далее – ГСУЯ) противопоставляет синтетические формы прошедшего времени прежде всего по признаку, был ли говорящий очевидцем событий⁴. Согласно данной грамматике, форма на *-i* предполагает максимально неопределенную локализованность действия в прошлом и характер протекания этого действия. Форма на *-m* «обозначает главным образом результат совершившегося действия»⁵. То же функциональное толкование для данных форм прошедшего времени дается в «Основах финно-угорского языкознания»⁶. В более современной грамматике «Удмурт кыллэн кылкабтодосэз» (далее – УКК) содержатся такие же сведения, как и в ГСУЯ, с той лишь разницей, что информация о «результате действия» была исключена⁷. Следовательно, УКК различает формы прошедшего времени на *-i* и *-m* исключительно по признаку наличия или отсутствия эвиденциальной семы. Подобный подход был применен в диссертации Е. А. Бульчевой⁸.

Наиболее подробно формы времени удмуртского глагола были описаны Б. А. Серебренниковым в его монографии «Категории времени и вида в финно-угорских языках пермской и волжской групп». Автор выделяет четыре функциональных значения для формы на *-i* и три – для формы на *-m*. Формы на *-i* могут выражать: законченное действие, незаконченное действие, перфект, значение будущего времени⁹. Формы на *-m* могут выражать: информацию, полученную со слов других людей; результат совершившегося действия; удивление от озвученного факта¹⁰. Еще одну интересную точку зрения выдвигает М. К. Каракулова. Она приписывает формам прошедшего времени на *-i* перфектное и аористное значения и способность выражать «абстрактное настоящее»¹¹. В то же время описание семантики прошедшего времени на *-m* исчерпывается наличием эвиденциальной семы¹². Можно предположить, что данная форма также может выступать в качестве перфекта или аориста.

² Winkler E. Udmurt. München : Lincom, 2001 (Languages of the World; materials 212). P. 49.

³ Кузнецова А. И. Каким может быть статус эвиденциальности и ирреалиса? (к постановке вопроса) // Исследования по теории грамматики. Вып. 3. Ирреалис и реальность. М. : Гнозис, 2004. С. 92.

⁴ ГСУЯ 1962 – Грамматика современного удмуртского языка: Фонетика и морфология / Удм. НИИ ист., экон., яз. и лит. Ижевск : Удм. кн. изд-во, 1962. С. 203–206.

⁵ Там же. С. 205.

⁶ Основы финно-угорского языкознания: Марийский, пермские и угорские языки / АН СССР. Ин-т языкознания. М. : Наука, 1976. С. 180.

⁷ Удмурт кыллэн кылкабтодосэз (морфологиез): тодослыко-дышетскон издание / Кылкутйсь ред. Н. Н. Тимерханова. Ижар : «Удмурт университет» книгапоттонни, 2011. С. 178–183.

⁸ Бульчева Е. А. Функциональная значимость глагола в различных типах текстов в удмуртском и русском языках : дис. ... канд. филол. наук. Чебоксары, 2010. С. 41.

⁹ Серебренников Б. А. Категории времени и вида в финно-угорских языках пермской и волжской групп / Акад. наук СССР. Ин-т языкознания. М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1960. С. 117–118.

¹⁰ Там же. С. 118–120.

¹¹ Каракулова М. К., Каракулов Б. И. Сопоставительная грамматика русского и удмуртского языков : учеб. пособие. Глазов : Глазовский гос. пед. ин-т им. В. Г. Короленко, 2000. С. 69–70.

¹² Там же. С. 70.

Материалы и методы

Эмпирическую базу исследования составили удмуртские предложения из художественных текстов, извлеченные из Национального корпуса удмуртского языка (далее – НКУЯ)¹³. Материал для анализа был сформирован методом сплошной выборки. Общее количество проанализированного материала составило свыше 5 тыс. словоупотреблений синтетических глагольных форм прошедшего времени.

В работе был использован комплекс исследовательских методов: описательный, типологический, метод контекстного анализа, метод сплошной выборки. Их применение позволило на конкретных примерах рассмотреть структуру, семантику, особенности развития и функционирования двух синтетических форм прошедшего времени глагола в удмуртском языке.

Результаты исследования и их обсуждение

Поскольку в качестве основного различия между синтетическими формами прошедшего времени на *-i* и *-m* выделяется так называемая «неочевидность», первоначально необходимо внести ясность в используемую терминологию. А. Д. Каксин утверждает, что следует использовать термин «эвиденциалис» вместо устаревших терминов «нарратив», «латентив», «абсентив», «пересказывательное наклонение», от которых, по его мнению, необходимо отказаться¹⁴. В своем исследовании мы придерживаемся этой точки зрения и понимаем под эвиденциальностью «функционально-семантическую категорию, выражающую разные виды отношения высказывания к действительности с точки зрения говорящего, который сам очевидцем действия (события) не был, и этот факт специально подчеркивается или подразумевается»¹⁵. Грамматически выражаемая эвиденциальность в удмуртском языке, по типологии А. Айхенвальд, относится к бинарным эвиденциальным системам, в которых противопоставлена информация «не из первых рук» и «все остальное»¹⁶. Общеизвестен тот факт, что форма прошедшего времени удмуртского глагола на *-m* содержит эвиденциальную сему, в то же время форма на *-i* является нейтральной с точки зрения эвиденциальности, что практически не нашло отражения в нормативных грамматиках удмуртского языка. Форма глагола прошедшего времени на *-i* не может выражать «подчеркнутую очевидность действия» исключительно фактом своего употребления. Е. Скрибник отмечает, что «во всех системах [уральских языков] термины с очевидностью являются нейтральными»¹⁷. Следовательно, термин «очевидное прошедшее время» для удмуртского языка является несостоятельным, поскольку между прямой эвиденциальностью (очевидностью) и косвенной эвиденциальностью (неочевидностью) существуют значения, нейтральные по отношению к эвиденциальности; однако в некоторых других, например в языке американских индейцев патвин, «специально маркируется прямая эвиденциальность, основанная на данных зрения» [2, с. 93].

С диахронической точки зрения форма глагола на *-m* развилась из причастия прошедшего времени путем его употребления в предикативной позиции¹⁸. Изначально данная форма «выражала только отдаленное прошедшее время, совершенность и результативность»¹⁹; далее она развила эвиденциальную сему, что, по мнению Б. А. Серебренникова, основано на грамматической семантике перфекта, т. е. «говорящий, констатирующий результат действия,

¹³ Национальный корпус удмуртского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://udmcorpus.udman.ru/body> (дата обращения: 20.07.2024).

¹⁴ Каксин А. Д. Средства выражения модальности и эвиденциальности в хантыйском языке (на материале казымского диалекта) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Саранск, 2011. С. 33.

¹⁵ Каксин А. Д. Модальность и средства ее выражения в хантыйском языке / Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок. Ханты-Мансийск : Полиграфист, 2008. С. 63.

¹⁶ Aikhenvald A. Y. Evidentiality. Oxford : Oxford University Press, 2004. P. 25.

¹⁷ Skribnik E., Kehayov P. Evidentials in Uralic Languages // The Oxford Handbook of Evidentiality. New York : Oxford University Press, 2018. P. 553.

¹⁸ Серебренников Б. А. Историческая морфология пермских языков / Акад. наук СССР. Ин-т языкознания. М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1963. С. 257–258.

¹⁹ Szabó D. Evidencialitás az udmurt nyelvben egy grammatikai funkció diakrón vizsgálata // Пермистика 18: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками : сб. ст. в 2-х ч. Ижевск : Издательский центр «Удмуртский университет», 2020. Ч. 1. С. 201.

сам не является очевидцем этого действия»²⁰. Разумеется, существуют и иные точки зрения на возникновение в удмуртском языке формы прошедшего времени на *-m*, однако нас больше интересует современное функционирование рассматриваемых форм.

Грамматически выраженная эвиденциальность в удмуртском языке имеет основное значение сомнения в достоверности озвученной информации. Так, Ф. Зигль, говоря о формах глагола прошедшего времени на *-m*, выделяет «три разных оттенка эвиденциальности в одной форме: инференциальность, миративность и слухи»²¹. Основываясь на данных коми языка²², мы выделяем в современном удмуртском языке 5 основных эвиденциальных значений, выражаемых специальными формами глаголов прошедшего времени (в нашей терминологии с помощью «неочевидного наклонения глагола»). На выбор говорящим нейтральной или эвиденциальной формы прошедшего времени влияет «эпистемический статус говорящего, который дает представление об отношении высказывания к дискурсивному контексту» [3, с. 149].

Нарративное значение. Формы глаголов прошедшего времени, выражающие нарративное значение, используются при пересказывании действий, очевидцем которых говорящий не был; при рассказе об исторических событиях; данная форма прошедшего времени глагола характерна для фольклорных жанров. Еще одной отличительной чертой нарративного значения является получение информации из источников, отличных от восприятия собственным зрением. Р. Кубич отмечает, что «в текстах, в которых второе прошедшее является в первую очередь жанровой характеристикой, употребление эвиденциальных глаголов зачастую крайне непоследовательно»²³. Б. Коллиндер, говоря о формах на *-m*, называет их «повествовательным претеритом» (англ. *the narrative preterite*)²⁴, однако функции данной формы не ограничиваются только повествованием. Например: *Ужан дорысеныз кин ке верам, пиед велосипедэ ыштэм шуыса* 'Около работы кто-то сказал, что твой сын велосипед **потерял**, оказывается' (У. Бадретдинов «Велосипед», 2007. Все примеры взяты из НКУЯ. – Авт.). *Мон кылй ни, куд-огез пиос но нылъёс колхозысь кошкыны малпаллям шуыса* 'Я уже слышал, что некоторые парни и девушки из колхоза уйти **думали**' (У. Бадретдинов «Чушъял вордйське веньёстэк», 2007).

Миративное значение. Миративное значение предполагает то, что говорящий не был носителем информации и определенный факт вызывает у него удивление. Иными словами, функция миративности «состоит в том, чтобы пометить предложения, которые сообщают информацию, являющуюся новой или неожиданной для говорящего, независимо от того, источник информации из первых или из вторых рук» [4, с. 33]. Вслед за В. А. Плунгяном и А. Д. Каксиным мы рассматриваем миративность как одно из значений эвиденциальности²⁵ [5]. Стоит отметить, что при переводе на русский язык выражений с семантикой миративности, как правило, к ним добавляется лексема «оказывается» для придания нужного семантического оттенка. Также, по мнению Р. Кубич, миративность «можно дополнительно разделить на неожиданность, удивление, связанное с запоздалым осознанием события или новизной информации»²⁶. Например: *Калык пöлын вож кильтро дэремен Нина но сьлйз. – Уть, кыче чебер кариськем ведь. Ымдуръёссэ но буям, – пиньыныз зукыртйз Микол, – кин сое татчы öтиз?* 'Среди народа в зеленом модном платье стояла и Нина. – Ух, какой красивой **сделалась** ведь. И губы свои **накрасила**, – сквозь

²⁰ Серебренников Б. А. Историческая морфология пермских языков. С. 266.

²¹ Siegl F. The 2nd Past in the Permic Languages. Form, Function and a Comparative Analysis from a Typological Perspective. M. A. Thesis. Tartu, 2004. P. 162.

²² Цыпанов Е. А., Лейнонен М. Эвиденциальная сема II прошедшего времени в коми языке // Коми слово в грамматике и словаре. Сыктывкар, 2000. С. 88–98.

²³ Kubitsch R. Evidencialitás a mai udmurt nyelvben // Lingdok 17. Nyelvészdoktoranduszok dolgozatai. Szeged : Szegedi Tudományegyetem, 2018. P. 266.

²⁴ Collinder B. Comparative Grammar of the Uralic Languages. Stockholm : Almqvist & Wiksell. 1960. P. 268.

²⁵ Плунгян В. А. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М. : Российский государственный гуманитарный университет, 2011. С. 236–237.

²⁶ Kubitsch R. Evidencialitás a mai udmurt nyelvben. P. 265.

зубы проворчал Микол, – кто ее сюда пригласил?’ (В. Сергеев «Уйвотын усе лымы», 1988). *Ваньды синмаськиллям, шуо. Озьы-а, мар-а? Оло мынам пересе но? Паймод тйледлы. Шедьтйллям Карменэз!* ‘Все вы влюбились, говорят. Разве так? Может, и мой старик тоже? Удивишься вам. **Нашли**, оказывается, Кармен!’ (Т. Архипов «Лудзи шур дурын», 1985).

Презумптивное значение. Презумптивное значение предполагает уверенность говорящего в истинности сообщаемой информации, но в то же время он подчеркивает, что не имеет точных данных о событии, поскольку не был прямым очевидцем. Формы глаголов прошедшего времени, выражающие презумптивное значение, используются, когда речь идет о регулярных, свойственных какому-либо субъекту действиях. Таким образом говорящий вкладывает значение презумпции, т. е. истинности высказывания, пока не доказано обратное, однако «снимает с себя ответственность» за достоверность сообщаемой информации. Значение может усиливаться с помощью таких лексических показателей, как *вылды* ‘скорее всего’ или *шодске* ‘кажется’. Например: *Касим Галиханов асьмелы со гожъёс пöлысь кöнязэ ке адскись карыса возьматыны сюлмаськем, вылды* ‘Касим Галиханов нам из этих записей сколько-то **позаботился** показать, скорее всего’ (У. Бадретдинов «Тодьы», 2007). *Фермаын ужась Офонез соку ик тодмаз. Чорыганы ветлэм, шодске* ‘Работник фермы тогда же и узнал Офона. Рыбачить **ходил**, кажется’. (У. Бадретдинов «Дунне питрес, шуо», 2007).

Инференциальное значение. Использование инференциального значения основывается на выводах говорящего, которые можно сделать исходя из результатов действия, уже известной информации, картины мира говорящего в целом. Однако, в отличие от презумптивного значения, говорящий допускает альтернативные варианты протекания озвученной ситуации. Также, в противовес презумптивному, отличительной чертой инференциального значения является неуверенность говорящего в своих предположениях. Значение может быть усилено лексическими показателями *оло* ‘может быть’, *оло нош* ‘может быть’, *кадь* ‘словно’, *дыр* ‘наверное’, *лэся* ‘кажется’. Например: *Ох, уг пот вал пияшлэн мынэм, оло нош, сюлмыз шодйськем, лэся* ‘Ох, не хотел было парень идти, но его сердце, может быть, **чувствовало**’ (Г. Красильников «Оксана», 1971). *Картэз войнаын бырем, нылпиосыз öвöл. Жеч кышномурт, анай кадь...* *Адзод ай* ‘Ее муж на войне **погиб**, детей нет. Хорошая женщина, как мать... Посмотришь же’ (В. Сергеев «Уйвотын усе лымы», 1988).

Значение неконтролируемого действия. Значение характерно прежде всего для форм 1-го лица и выражает немного иную семантику в отличие от остальных эвиденциальных значений в современном удмуртском языке. Однако значение неконтролируемого действия также входит в поле эвиденциальности, поскольку если «ранее была определенная отстраненность, дистанцированность говорящего от события, то при его воспроизведении появляется возможность указать на источник информации»²⁷. На эту функцию в удмуртском языке также обратили внимание венгерские исследователи Д. Сабо²⁸ и Р. Кубич²⁹. Значение неконтролируемого действия может выражаться и «в отсутствии контроля, осознания и преднамеренности»³⁰. Например: *Созэ öй вала, клубе ачим-а мынйськем, вордйськем нуналме ачимтэк пусйисьёс-а нузы...* ‘Это я не понял, в клуб разве я сам **ходил**, мой день рождения без меня отмечающие провели...’ (Ф. Пукроков «Кизили ныл», 1997). *Öй но шодды, кызьы ми нош ик матэктйськеммы но, бамъёсмь ваче вулльям* ‘Я и не почувствовал, как мы снова **сблизились** и наши лица наедине **оказались**’ (Ф. Пукроков «Кизили ныл», 1997).

В большинстве случаев формы глагола прошедшего времени на *-т* выражают одновременно значения времени и эвиденциальности. Так, например, Е. А. Цыпанов считает, что «основное значение II прошедшего времени – это результативность или

²⁷ Баджанлы Э. Категория эвиденциальности в турецком языке в функционально-семантическом аспекте: В сопоставлении с алтайским языком : дис. ... канд. филол. наук. М., 2005. С. 58.

²⁸ Szabó D. Evidencialitás az udmurt nyelvben egy grammatikai funkció diacrón vizsgálatá. С. 200.

²⁹ Kubitsch R. Evidencialitás a mai udmurt nyelvben. P. 263.

³⁰ Szabó D. Evidencialitás az udmurt nyelvben egy grammatikai funkció diacrón vizsgálatá.

перфект»³¹. Иначе говоря, эвиденциальная сема может отсутствовать, и данная форма будет выражать только значение времени. По мнению Р. Кубич, «в функциях, не связанных с источником информации, включение формы глагола второго прошедшего времени не считается обязательным по правилам языка, поэтому его употребление будет более непоследовательным»³². Мы поддерживаем эту точку зрения и для ее подтверждения провели анализ 2 500 словоупотреблений глагола в форме прошедшего времени на *-m*, извлеченных из Национального корпуса удмуртского языка, на предмет отсутствия эвиденциальной семантики, стараясь исключить присутствие каждого из пяти перечисленных выше значений, относящихся к полю эвиденциальности. В результате проведенного анализа выяснилось, что только 8 % словоупотреблений не имели эвиденциальной семантики. Более того, в случаях, когда форма на *-m* не имеет эвиденциального значения, она без потери смысла может быть заменена формой на *-i*. Таким образом, мы можем не согласиться с мнением Ф. Зигля о том, что «пермские языки не имеют грамматикализованной системы выражения эвиденциальности, потому что II прошедшее не является исключительно средством выражения эвиденциальности»³³. В качестве промежуточного вывода можно определить, что формы прошедшего времени глагола на *-m* несут в своем базовом грамматическом значении семантику прошедшего времени и эвиденциальности, которые неразрывно связаны в данной грамматической форме. Употребление этой формы в неэвиденциальном значении не является последовательным, не считается обязательным по правилам удмуртского языка и может быть заменено без потери смысла на соответствующие формы прошедшего времени, не имеющие грамматикализованной эвиденциальности.

В то же время форма прошедшего времени на *-i* является нейтральной с точки зрения эвиденциальности, поскольку ее употребление не подразумевает указания на то, что говорящий не был свидетелем описываемых событий. Использование специальных лексических маркеров эвиденциальности, таких как *ne* ‘мол’, *оло* ‘может быть’, в сочетании с формой прошедшего времени на *-i* дает в результате косвенную эвиденциальность, не являющуюся грамматикализованной. Форма прошедшего времени на *-i* не может грамматикализовать прямую эвиденциальность или «очевидность» действия, потому что далеко не все высказывания можно строго разделить на «очевидные» и «неочевидные», как предлагают авторы удмуртских грамматик³⁴.

Перейдем к темпоральным значениям, которые выражаются синтетическими формами глагола прошедшего времени. Говоря о них, исследователи чаще всего обозначают форму на *-m* как перфект³⁵ [6; 7]. Форма прошедшего времени на *-i* может выражать перфектные и аористные значения³⁶. Стоит отметить, что в разных языках под перфектом понимаются формы с разным семантическим содержанием. По мнению Л. Б. Андерсона, «такая грамматическая категория, как перфект, не будет иметь точно такой же диапазон использования в одном языке, как в другом»³⁷. Подобную мысль о несовпадении семантики грамматических категорий, называемых перфектом, в разных языках также высказывают В. А. Плунгян, В. Б. Кашкин³⁸ [8]. Мы считаем, что перфектные значения в удмуртском языке (как и аористные) могут выражать обе синтетические формы глагола прошедшего времени. Ранее аналогичные выводы были сделаны для горномарийского

³¹ Цыпанов Е. А., Лейнонен М. Эвиденциальная сема II прошедшего времени в коми языке // Коми слово в грамматике и словаре. Сыктывкар, 2000. С. 83.

³² Kubitsch R. Evidencialität a mai udmurt nyelvbén. P. 269.

³³ Siegl F. The 2nd Past in the Permic Languages. Form, Function and a Comparative Analysis from a Typological Perspective. P. 162.

³⁴ ГСУЯ 1962 – Грамматика современного удмуртского языка: Фонетика и морфология. С. 202–208.

³⁵ Серебренников Б. А. Категории времени и вида в финно-угорских языках пермской и волжской групп / Акад. наук СССР. Ин-т языкознания. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1960. С. 118.

³⁶ Каракулова М. К., Каракулов Б. И. Сопоставительная грамматика русского и удмуртского языков: учеб. пособие. Глазов: Глазовский гос. пед. ин-т им. В. Г. Короленко, 2000. С. 69.

³⁷ Anderson L. B. The “Perfect” as a Universal and as a Language-Specific Category // Tense-Aspect: Between Semantics and Pragmatics. Typological Studies in Language. Amsterdam, 1982. P. 227.

³⁸ Кашкин В. Б. Функциональная типология перфекта. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1991. С. 31.

языка: «замена одного синтетического прошедшего времени на другое не влияет ни на акциональную, ни на аспектуальную семантику клаузы» [9, с. 158]. Все существующие формы удмуртского плюсквамперфекта также не несут в себе аспектуальных отличий [10]. С диахронической точки зрения обе грамматические формы имеют совершенно разное происхождение, следовательно, темпоральная семантика обеих форм изначально должна была различаться. Для современного удмуртского языка исследователи приводят наличие эвиденциальной семы у формы прошедшего времени на *-m* как основной критерий отличия двух синтетических форм. На сегодняшний день грамматическая форма на *-i* является более частотной. Е. А. Цыпанов отмечает, что «на экспансию и дистрибуцию I прошедшего времени вместо модального перфекта прямое и сильное влияние оказывает русский язык», который обладает грамматикализованной эвиденциальностью [11, с. 171].

Мы предполагаем, что эволюция семантики синтетических форм глагола прошедшего времени проходила следующим образом. Прототипическое перфектное значение формы на *-m* приобрело эвиденциальную семантику, и данная форма начала использоваться в аористных значениях. В то же время форма на *-i* стала употребляться в перфектном значении для передачи нейтрального (неэвиденциального) значения. Подобную точку зрения относительно ненецкого языка высказывает А. Ю. Урманичева [12]. Таким образом, темпоральные значения синтетических форм глагола в удмуртском языке практически полностью совпадают. М. Лейнонен подтверждает, что «в удмуртском языке измерение эвиденциальности явно преобладает над значением “настоящей актуальности”, характерным для прототипического перфекта»³⁹.

Синтетические формы удмуртского глагола прошедшего времени с терминологической точки зрения можно обозначить как претерит индикатива (*-i*) и претерит эвиденциалиса (*-m*). Под претеритом мы понимаем финитные синтетические формы удмуртского глагола, обозначающие референцию к прошедшему времени, имеющие, согласно темпоральной семантике, две основные области значений: перфектную и аористную. Данные формы также могут выражать граммы имперфекта и итератива, однако это происходит только у глаголов с многократным способом глагольного действия. Прежде всего для нас интересно базовое значение времени, передаваемое глаголами, нейтральными по отношению к категории способов глагольного действия.

Область перфектных значений. Говоря о перфекте, некоторые ученые определяют его через результатив⁴⁰. Мы считаем результатив достаточно близким к перфекту понятием, однако в удмуртском языке существуют специальное морфологическое выражение граммы результатива, в то же время удмуртский результатив (*ӧс усътэмын* ‘дверь открыта’) сам по себе не имеет четкой референции ко времени (за исключением результатива в связке со вспомогательными неизменяемыми глаголами *вал* ‘было’, *вылэм* ‘было, оказывается’). Для понимания разницы между двумя этими понятиями следует отметить, что результатив становится перфектом, когда первый «утрачивает стативное значение и начинает обозначать не только результирующую фазу некоторой ситуации, но и саму эту ситуацию» [13, с. 21]. В нашем понимании перфектное значение опирается на состояние в настоящем как результат действия в прошлом (статальный перфект) или на «текущую релевантность» какого-либо события в прошлом для настоящего (акциональный перфект)⁴¹. Также глаголы в перфектном значении не выражают одновременность действия, поскольку повествование о событиях в прошлом не относятся к области перфектных значений. Рассмотрим примеры:

³⁹ Leinonen M., Vinkula M. Past Tenses in Permic Languages // Tense and Aspect in the Languages of Europe (Empirical Approaches to Language Typology Eurotyp 20–6). Berlin : Mouton de Gruyter. 2000. P. 508.

⁴⁰ Цыпанов Е. А. Грамматические категории глагола в коми языке. Сыктывкар : Ин-т языка, литературы и истории КНЦ УрО РАН, 2005. С. 163; Лейнонен М., Цыпанов Е. А. Грамматическая семантика эвиденциальности в коми языке (на материале модального перфекта) // Эвиденциальность в языках Европы и Азии. СПб. : Наука, 2007. С. 405.

⁴¹ Маслов Ю. С. Перфект // Избранные труды: Аспектология. Общее языкознание. М. : Языки славянской культуры, 2004. С. 505.

Туннэ мон бертійсько кыдѣкысь пичи гуртам. Отысен кутскиз мынам улон сюресэ. Отын ик улон шурелэн ошмесэз но пѳзе ‘Сегодня я возвращаюсь издалека в мою маленькую деревню. Отсюда **началась** моя дорога жизни. Здесь же бьет родник моей жизненной реки’ (В. Сергеев «Лыдья, лыдья, кикые...», 1988). В данном контексте глагол *кутскиз* ‘начался’ употреблен в перфектном значении, поскольку результат описанного действия сохраняется на момент речи.

Бускель гуртэ шудонэ ветлїллям, табере берто ‘В соседнюю деревню играть **ходили**, оказывается, теперь возвращаются’ (Ф. Пукроков «Кизили ныл: Роман, повестьёс», 1997). Глагол *ветлїллям* ‘ходили, оказывается’ употреблен в перфектном значении, поскольку результат описанного действия сохраняется на момент речи. Также стоит отметить, что говорящий не был очевидцем события, описываемого в первой части предложения.

Перейдем к описанию статального и акционального перфекта и реализации этих видов в современном удмуртском языке.

Статальный перфект. Данная темпорально-семантическая функция имеет низкую частотность в современном удмуртском языке, поскольку на временной оси плотно прилегает к зоне настоящего времени. В родственном удмуртскому коми языке исследователи выделяли прежде всего значение статального перфекта и смешивали его с результатом⁴². Мы понимаем статальный перфект как «ослабленный результатив», который выражает темпорально-таксисные значения, в то время как «результатив» – аспектуальные. В удмуртском языке граммымы результатива реализуются с помощью причастий, а граммымы перфекта – с помощью форм прошедшего времени. Рассмотрим примеры:

Таня валзэ уробо бордаз думиз но, шур дуре васькыса, киоссэ но ымнырзэ миськиз. Али гинэ адѳиз со бур кызлзэс кыкетї мур нярзэмзэ, вир потэмзэ ‘Таня привязала лошадь к телеге и, спускаясь к реке, вымыла руки и лицо. Только сейчас она **увидела** идущую кровь из глубокой мозоли на правой руке’ (Т. Архипов «Лудзи шур дурын», 1985). Здесь с помощью глагола *адѳиз* ‘увидела’ реализуется значение результата предшествующего действия.

Выль арозь кылиз на эшио одїг сутка ‘До нового года **остались** еще одни сутки’ (В. Сергеев «Уйвѳтын усе лымы», 1988). С помощью глагола *кылиз* ‘осталось’ реализуется значение состояния, имеющего текущую релевантность для описываемой в примере ситуации.

Вез изьытэк, солэн синъёсыз ѳжытак гордэктїллям ‘Ночь не закрываясь, его глаза немного **покраснели**’ (Г. Красильников «Веросьёс», 1955). В примере говорящий опирается только на результат действия, который не видит. Действие, обозначенное глаголом, только предполагается, поэтому используется эвиденциальная форма.

– Нош ик атаед кудѳем-а? Бамыз суронме ни кадь солэн ‘Твой отец снова **напился**? Его лицо уже, как моя кожа’ (У. Бадретдинов «Чушъял вордїське веньѳстэк: Повестьёс, веросьёс, пьесаос», 2007). В данном примере говорящий опирается только на результат предшествующего действия, который не видит. Действие, обозначенное глаголом, не воспринято визуально, поэтому используется эвиденциальная форма.

Акциональный перфект. В отличие от статального, акциональный перфект опирается на «текущую релевантность» события в прошлом для настоящего. Действие может быть достаточно удаленным от момента речи. Одним из частных значений этого типа является референция к прошедшим событиям из собственного опыта говорящего. Данный тип значения уже не опирается на результат действия в прошлом. «Текущую релевантность» часто называют значением перфекта, «близкого к статусу инварианта» [14, с. 62]. Это характерно и для удмуртского языка, однако мы считаем, что перфектные значения в современном удмуртском языке имеют тенденцию уступать аористным (о которых речь пойдет далее), что подтверждает общелингвистическую тенденцию магистрального пути развития перфекта [14]. Обратимся к некоторым примерам:

Путкарадзе сярись тодэ вайыса, мылкыд сураськиз ‘Когда вспоминал о Путкарадзе, настроение **пугалось**’ (В. Сергеев «Уйвѳтын усе лымы», 1988). В данном примере

⁴² Лейнонен М., Цыпанов Е. А. Грамматическая семантика эвиденциальности в коми языке (на материале модального перфекта) // Эвиденциальность в языках Европы и Азии. СПб. : Наука, 2007. С. 405.

ситуация в прошлом имеет релевантность для настоящего вне зависимости от того, насколько давно произошли описываемые события.

Озбы ик кошкиз. Ачим аджи Оксаналэсь келяськемзэ, милям коркаос вожмин гинэ сыло, укноетий ваньмыз таچه ик адзиське: Онтонэз капка сьорозяз келяса потйз, чыртывяз жыгьртйськиз но, уг ни лэзиськы 'Тоже ушла. Сам видел проводы Оксаны, наши дома наискосок стоят, в окно тоже видно: Онтон вышел проводить за калитку, по шею обнялись, не отпускают друг друга' (Г. Красильников «Оксана», 1971). Говорящий лично наблюдал описываемую им ситуацию, и это указывает на то, что данный факт актуален для момента речи.

– *О-о, землякёс пумиськиллям. Умой, умой! Кылзы-ай, старшой лейтенант эш пыр-поч тодйськод-а тон та старшина сяресь?* – юаз майор 'Да, земляков встретили. Хорошо, хорошо! Послушай, товарищ страший лейтенант, ты хорошо знаешь об этом старшине? – спросил майор' (М. Лямин «Тыл пыртй: Очеркёс», 1945). В примере говорящий описывает события, имеющие релевантность для момента речи, поскольку разговор идет о воспоминаниях. Глагол содержит эвиденциальную сему, так как реализуется миративное значение, т. е. говорящий не ожидал, что встреча с земляками состоится.

Нош Савалей доры кин сыче пырем? 'А к Савалею кто такой зашел?' (Г. Красильников «Кошкисез мед кошкоз: Веросьёс», 1971). Пример демонстрирует актуальность события в прошлом для момента речи, поскольку говорящий задает вопрос. Также присутствует эвиденциальная сема, указывающая на то, что говорящий не был свидетелем описываемых событий.

Прошедшее в значении будущего. Такое значение будет являться лишь модальным, поскольку действие или событие, обозначаемое одной из описываемых нами форм прошедшего времени, будет носить ирреальный характер. Употребление «будущего в прошедшем» можно отнести к нефутуральному будущему, такие контексты будут иметь вневременной характер. Употребления описываемых форм прошедшего времени в таком значении будут носить смысл возможности, предположения, побуждения к действию, наглядного примера и т. д.⁴³ Прошедшее время в значении будущего относится к перфектной зоне на том основании, что имеет непосредственную актуальность для момента речи. Такое значение следования за моментом речи реализуется «на основе контекстуальной нейтрализации временной семы предшествования и модальной семы изъявительного наклонения» [15, с. 556].

Мон кошки, ява, Света, жеч лу, мон кошки... 'Я ушел, ладно, Света, пока, я ушел...' (Е. Панфилова «Мумы», 2008). В примере озвучивается действие, которое только должно произойти, однако говорящий использует форму глагола прошедшего времени.

– *Бырим асьмеос, – шыпыртйз со кыз улын артана вöзын сылйсь Ильялы* '– Мы с тобой погибли, – прошептал он под елью сидящему рядом с поленницей Илье' (И. Гаврилов «Вордйськем пальёсын», 1982). Говорящий озвучивает действие, которое может произойти с большой вероятностью, используя при этом форму глагола прошедшего времени.

– *Асьмеос мыномы шат, Аннок? Нош атаед бöрысь чаш поттоз, дыр, пöсьсэ быдтйллям шуоз* '– Мы с тобой разве пойдем, Аннок? Но твой отец потом шум поднимет, наверное, жар [в бане] закончили, скажет' (Г. Красильников «Огшоры нунал: Веросьёс», 1953). Здесь говорящий рассуждает об ирреальных событиях, которые могут произойти в будущем. Событие, обозначенное глаголом прошедшего времени, предшествует точке отсчета, но остается в будущем относительно момента речи, следовательно, действие относится к плану будущего времени.

Куссэ шонервятэк, Глаша жьытозь бакчазы ужаз, ас понназ возьма ни вал: тани Олексан бертоз но паймоз, огнад со мында лэсьтыны вуэмед 'Не разгибая спины, Глаша до вечера работала в их огороде, про себя ждала уже было: вот Олексан вернется и удивится, как одна столько сделать успела' (Г. Красильников «Тöлсяська», 1976). В данном контексте говорящий использует форму прошедшего времени глагола относительно действий, которые

⁴³ Стойнова Н. М. Будущее время [Электронный ресурс] // Русская корпусная грамматика. URL: http://rusgram.ru/Будущее_время (дата обращения: 20.07.2024).

могут произойти в будущем. Поскольку предполагается, что вероятный собеседник удивится, говорящий использует форму прошедшего времени глагола на *-т* в миративном значении.

Область аористных значений. Аорист в качестве языковой универсалии можно определить как прошедшее время, не имеющее точных временных границ. Поскольку мы относим обе синтетические формы прошедшего времени в удмуртском языке к претериту, то, на наш взгляд, аористные значения являются более поздними по возникновению, нежели перфектные. По крайней мере, это характерно для формы на *-т*. Диахронически перфект реализуется в виде «расширения сферы его функционирования на более широкую семантическую зону. Это расширение приводит к разложению перфекта как такового, превращению его в темпоральную форму, связанную с выражением абсолютного предшествования»⁴⁴. Таким образом, одно из расширений перфекта – это приобретение им в удмуртском языке аористных значений. Основное значение аориста заключается в четком предшествовании события моменту речи и несвязанности с моментом речи. Стоит отметить, что в некоторых случаях невозможно точно отделить перфектные значения (прежде всего акционального перфекта) от аористных, особенно из-за существования этих значений в рамках одной формы прошедшего времени – претерита. Семантику аориста в современном удмуртском языке могут выражать обе синтетические формы глагола прошедшего времени, причем форма на *-т* добавляет эвиденциальную семантику, т. е. намеренно будет подчеркиваться на грамматическом уровне, что говорящий не был свидетелем описываемых событий.

– *Соиз озьы ини, брат, – лулзиз Микол. Жож тусын Федя шоры учкиз* ‘– Так оно уже, брат, – **вздыхнул** Микол. С грустным лицом **посмотрел** на Федю’ (В. Сергеев «Уйвöтын усе лымы», 1988). Пример демонстрирует повествование о событиях в прошлом, которые завершились до момента речи.

Азьвыл төдбы офицер колхозын кема ужамтэ, палэнэ кошкем ‘Бывший белый офицер в колхозе долго **не проработал**, на сторону **ушел**’ (У. Бадретдинов «Чушъял вордйське веньёстэк: Повестьёс, веросьёс, пьесаос», 2007). Глаголы передают нарративное значение аориста: говорящий пересказывает события из прошлого, свидетелем которых он не был.

Перейдем к более узким подзначениям в рамках области аористных значений.

Прошедшее индифферентное. Говоря о временной дистанции между моментом речи и событием в прошлом, самым частым маркером можно определить специализированную темпоральную лексику. Однако если мы говорим о темпоральной семантике, которую выражает какая-либо конкретная глагольная словоформа, имеющая референцию к прошедшему времени, то только у плюсквамперфекта есть возможность без дополнительных лексических средств указывать на значительную удаленность в прошлое. Данное подзначение реализуется как событие в прошлом, которое уже завершилось к моменту речи, но определить, когда конкретно произошло событие, можно только с помощью темпоральной лексики.

Нош көня мурт нылкышноосты зыгыръяз? ‘Но сколько чужих женщин **обнял**?’ (Л. Малых «Вужер», 2020). Действие, выраженное глаголом прошедшего времени, произошло в прошлом, однако точный момент его совершения определить невозможно.

Песятай соосты улмоен куноятйз ‘Дедушка их **угостил** яблоками’ (Г. Красильников «Женялэн песятаез», 1955). В данном контексте нельзя определить, когда было совершено действие.

Куамын пöлысь дас одйгез гинэ сочинениосазы колхозэ кыльыны мылкыд каремзэс вераллям ‘Из тридцати только одиннадцать в сочинениях **рассказали**, что имеют желание остаться в колхозе’ (У. Бадретдинов «Чушъял вордйське веньёстэк», 2007). В примере сообщается определенный факт из прошлого без точной временной локализации и характера протекания действия. Также говорящий подчеркивает, что не был свидетелем этого факта, с чем связано употребление формы прошедшего времени на *-т*.

Песятаез Будённей дорын эскадронэн кивалтэм ‘Его дед у Будённого эскадронем **руководил**’ (В. Сергеев «Лыдья, лыдья, кикые», 1988). Говорящий сообщает о факте из

⁴⁴ Кашкин В. Б. Функциональная типология перфекта. Воронеж : Изд-во ВГУ, 1991. С. 31–32.

прошлого, не уточняя временную локализацию и характер протекания действия. Также он подчеркивает, что не был свидетелем этого факта, с чем связано употребление формы прошедшего времени на *-т*.

Нарративное прошедшее. Это значение реализуется чаще всего при наличии нескольких глагольных актантов. Именно в таком случае можно определить порядок действий относительно друг друга – одновременность либо последовательность. Для таких случаев становится наиболее важным контекст. Это подзначение находится в наибольшей оппозиции к области перфектных значений.

Пöсь гур дорын Наталь шуназ, мылкыдыз ик капчи луиз кадь ‘У жаркой печки Наталья согрелась, ее настроение же **сделалось** как будто легким’ (К. Митрей «Вожмин», 1989). Перед нами повествование, поскольку говорящий перечисляет определенные действия, которые совершает субъект.

Сое адзъса, Максилэн сюлмыз ик золгес жугисъкыны öдъяз, чемысь шоканы кутскиз ‘Когда Макси это увидел, его сердце **начало** сильнее биться, чаще дышать **начал**’ (Л. Нянькина «Макси», 1996). Здесь также легко считывается семантика повествования, поскольку действия субъекта не имеют текущей релевантности.

Векчи езэз куасалляса, соос усьтон лэсьтйллям ‘Согнув короткую проволоку, они ключ **сделали**, оказывается’ (Ф. Пукроков «Кизили ныл: Роман, повестьёс», 1997). Семантика повествования здесь реализуется с помощью глагола и деепричастного оборота, выражающего добавочное действие. Также с помощью выделенной в тексте формы глагола говорящий подчеркивает, что не был очевидцем описываемых действий.

Кык экзамензэ сётэм ини, нош кызъы но мар – соиз сяръсь пал кыл но поттылымтэ ‘Два экзамена **сдал** уже, но как и что – об этом слов **не было сказано**, оказывается’ (Г. Красильников «Веросьёс», 1955). Говорящий пересказывает события, которые не наблюдал, т. е. присутствует эвиденциальная сема. События происходили последовательно, этим и обусловлена нарративная семантика.

Синтетические формы прошедшего времени в сочетании с другими грамматическими категориями могут выражать и иные семантические значения: например, вместе с многократным способом глагольного действия они способны выражать значения имперфекта (длительного действия в прошлом, которое могло завершиться до момента речи либо иметь продолжение и в настоящем).

Выль закон косэмъя люкылъськом шуыса, ог арын быдэс гуртэн музьемзэс люкылъзы ‘По новому принятому закону о разделе в один год целой деревней их землю **делили**’ (К. Митрей «Вожмин», 1989). Использование глагола многократного способа действия нейтрализует перфектную и аористную семантику.

Солэн но нырысь озъы пörмылэм ‘И у него сначала так **получалось**, оказывается’ (Р. Валишин «Дэрем мугоръя луыны кулэ», 1990). Имперфектное значение выражено семантикой неоднократного действия, описанный процесс проходил на протяжении какого-либо времени до момента речи. Также использование неочевидной формы подчеркивает то, что говорящий не был свидетелем этого процесса.

Заключение

В рамках исследования мы проанализировали эвиденциальную и темпоральную семантику двух синтетических форм глагола прошедшего времени в удмуртском языке. С точки зрения темпоральной семантики обе формы могут быть взаимозаменяемыми в выявленных нами пяти темпорально-семантических типах. С точки зрения характера протекания действия обе формы можно обозначить как претерит, обладающий достаточно широкой темпоральной функциональностью. Относительно эвиденциальной семантики форма на *-i* является нейтральной по отношению к эвиденциальности, в то время как форма на *-т* выражает косвенную эвиденциальность. Мы предполагаем, что вместе с аналитическими формами прошедшего времени удмуртского глагола, которые имеют вторым компонентом вспомогательный неизменяемый глагол *вылэм* ‘было, оказывается’, форма на *-т* составляет «неочевидное наклонение», или «эвиденциалис» (удм. *тодмотэм сям*).

Это утверждение основано на том, что нейтральные формы индикатива противостоят эвиденциальным. Следовательно, форму на *-i* можно обозначить как претерит индикатива, а форму на *-m* – как претерит эвиденциалиса. Перспективы дальнейшего исследования данных грамматических форм заключаются в полном описании категории времени глагола в удмуртском языке, изучении межкатегориальных связей в области морфологии удмуртского языка, а также в улучшении машинного перевода текстов на удмуртском языке.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Каксин А. Д. Выражение эвиденциальности в северных диалектах хантыйского языка: основные коннотации и формы // Мир науки, культуры, образования. 2016. № 1 (56). С. 291–293. URL: <https://amnko.ru/index.php/russian/journals/> (дата обращения: 20.07.2024).
2. Козинцева Н. А. Категория эвиденциальности (проблемы типологического анализа) // Вопросы языкознания. 1994. № 3. С. 92–104. URL: <https://vja.ruslang.ru/archive/1994-3/92-104> (дата обращения: 20.07.2024).
3. Saraheimo M., Kubitsch R. Discourse-Interactional Functions of Udmurt *Val* and *Yylem* // Linguistica Uralica. 2023. Vol. 59, issue 2. P. 130–153. <https://doi.org/10.3176/lu.2023.2.04>
4. DeLancey S. Mirativity: The Grammatical Marking of Unexpected Information // Linguistic Typology. 1997. Vol. 1, issue 1. P. 33–52. <https://doi.org/10.1515/lity.1997.1.1.33>
5. Каксин А. Д. Средства выражения эвиденциальности и митаривности в контексте дискурсивного исследования // Коммуникативные исследования. 2014. № 1. С. 252–259. URL: <http://www.com-studies.org/ru/issues> (дата обращения: 20.07.2024).
6. Сердобольская Н. В. Глагольная множественность и аспект в бесермянском диалекте удмуртского языка: множественность показателей множественности // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. 2012. Т. 8, № 2. С. 735–785. URL: <https://alp.iling.spb.ru/issues/viii2.ru.html> (дата обращения: 20.07.2024).
7. Карпова Л. Л. Реализация категории времени глагола в диалектах северного наречия удмуртского языка // Ежегодник финно-угорских исследований. 2020. Т. 14, № 2. С. 199–213. <https://doi.org/10.35634/2224-9443-2020-14-2-199-213>
8. Плуныян В. А. К типологии перфекта в языках мира: предисловие // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. 2016. Т. 12, № 2. С. 7–36. URL: <https://alp.iling.spb.ru/issues.ru.html> (дата обращения: 20.07.2024).
9. Голосов Ф. В., Козлов А. А. Наблюдатель в системе прошедших времен горномарийского языка // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. 2018. Т. 14, № 2. С. 154–194. URL: <https://alp.iling.spb.ru/issues/xiv2.ru.html> (дата обращения: 20.07.2024).
10. Saraheimo M. The Finite Remote past Tense in Udmurt: From Temporal to Modal and Pragmatic Functions // Finnisch-Ugrische Forschungen. 2022. № 67. P. 161–203. <https://doi.org/10.33339/fuf.113825>
11. Цыпанов Е. А. К вопросу о факторах, определяющих употребление I и II прошедших времен в коми языке // Linguistica Uralica. 2002. Т. 38, № 3. С. 165–175. <https://doi.org/10.3176/lu.2002.3.02>
12. Урманчиева А. Ю. «Антиподы» перфекта в самодийских языках: ненецкое прошедшее время // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. 2016. Т. 12, № 2. С. 475–533. URL: <https://alp.iling.spb.ru/issues.ru.html> (дата обращения: 20.07.2024).
13. Плуныян В. А., Урманчиева А. Ю. Перфект в старославянском: был ли он результативным? // Словѣне. International Journal of Slavic Studies. 2017. № 2. С. 13–56. URL: https://slovene.ru/2017_2_Plungian_Urmanchieva.pdf (дата обращения: 20.07.2024).
14. Горбова Е. В. Результативность, экспириенциальность, инклюзивность, иммедиадность: чем определяется значение перфекта? // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. 2016. Т. 12, № 2. С. 39–66. URL: https://alp.iling.spb.ru/static/alp_XII_2.pdf (дата обращения: 20.07.2024).
15. Ахмадиева З. А. Прошлое в будущем // Вестник Башкирского университета. 2008. Т. 13, № 3. С. 554–558. EDN: KZAWTX

REFERENCES

1. Kaksin A.D. Expression of an Evidentiality in Northern Dialects Khanty Language: Main Connotations and Forms. *Mir Nauki, Kul'tury, Obrazovaniya*. 2016;(1):291–293. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://amnko.ru/index.php/russian/journals/> (accessed 20.07.2024).

2. Kozintseva N.A. [Category of Evidentiality (Problems of Typological Analysis)]. *Topics in the Study of Language*. 1994;(3):92–104. (In Russ.) Available at: <https://vja.ruslang.ru/archive/1994-3/92-104> (accessed 20.07.2024).
3. Saraheimo M., Kubitsch R. Discourse-Interactional Functions of Udmurt *Val* and *Vylem*. *Linguistica Uralica*. 2023;59(2):130–153. <https://doi.org/10.3176/lu.2023.2.04>
4. DeLancey S. Mirativity: The Grammatical Marking of Unexpected Information. *Linguistic Typology*. 1997;1(1):33–52. <https://doi.org/10.1515/lity.1997.1.1.33>
5. Kaksin A.D. Means of Expressing an Evidentiality and Mirative in a Context of a Discourse Research. *Communication Studies*. 2014;(1):252–259. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <http://www.com-studies.org/ru/issues> (accessed 20.07.2024).
6. Serdobolskaya N.V. [Verbal Plurality and Aspect in the Besermyan Dialect of the Udmurt Language: Plurality of Plurality Indicators]. *Acta Linguistica Petropolitana. Transactions of the Institute for Linguistic Studies*. 2012;8(2):735–785. (In Russ.) Available at: <https://alp.iling.spb.ru/issues/viii2.ru.html> (accessed 20.07.2024).
7. Karpova L.L. Implementation of the Category of the Tense of the Verb in the Northern Dialects of the Udmurt Language. *Yearbook of Finno-Ugric Studies*. 2020;14(2):199–213. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.35634/2224-9443-2020-14-2-199-213>
8. Plungian V.A. [Towards the Typology of the Perfect in the Languages of the World: Preface]. *Acta Linguistica Petropolitana. Transactions of the Institute for Linguistic Studies*. 2016;12(2):7–36. (In Russ.) Available at: <https://alp.iling.spb.ru/issues.ru.html> (accessed 20.07.2024).
9. Golosov F.V., Kozlov A.A. [Observer in the Past Time System of the Mountain Mari Language]. *Acta Linguistica Petropolitana. Transactions of the Institute for Linguistic Studies*. 2018;14(2):154–194. (In Russ.) Available at: <https://alp.iling.spb.ru/issues/xiv2.ru.html> (accessed 20.07.2024).
10. Saraheimo M. The Finite Remote past Tense in Udmurt: From Temporal to Modal and Pragmatic Functions. *Finnisch-Ugrische Forschungen*. 2022;(67):161–203. <https://doi.org/10.33339/fuf.113825>
11. Cypanov Je. K voprosu o faktorach, opredel'jajushčich upotreblenie I i II prošedšich vremen v komi jazyke. *Linguistica Uralica*. 2002;38(3):165–175. (In Slovak) <https://doi.org/10.3176/lu.2002.3.02>
12. Urmanchieva A.Yu. [“Antipodes” of the Perfect in Samoyed Languages: Nenets Past Tense]. *Acta Linguistica Petropolitana. Transactions of the Institute for Linguistic Studies*. 2016;12(2):475–533. (In Russ.) Available at: <https://alp.iling.spb.ru/issues.ru.html> (accessed 20.07.2024).
13. Plungian V.A., Urmanchieva A.Yu. The Perfect in Old Church Slavonic: Was It Resultative? *Slověne. International Journal of Slavic Studies*. 2017;(2):13–56. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: https://slovene.ru/2017_2_Plungian_Urmanchieva.pdf (accessed 20.07.2024).
14. Gorbova E.V. [Effectiveness, Experimentality, Inclusiveness, Immediacy: What Determines the Meaning of the Perfect?]. *Acta Linguistica Petropolitana. Transactions of the Institute for Linguistic Studies*. 2016;12(2):39–66. (In Russ.) Available at: https://alp.iling.spb.ru/static/alp_XII_2.pdf (accessed 20.07.2024).
15. Akhmadieva Z.A. [The Past in the Future]. *Vestnik Bashkirskogo Universiteta*. 2008;13(3):554–558. (In Russ.) EDN: **KZAWTX**

Информация об авторе:

Ефимов Кирилл Сергеевич, аспирант кафедры общего и финно-угорского языкознания Удмуртского государственного университета (426034, Российская Федерация, г. Ижевск, ул. Университетская, д. 1), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2220-2706>, SPIN-код: **9550-3913**, kirill_udm@vk.com

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Поступила 05.08.2024; одобрена после рецензирования 23.09.2024; принята к публикации 30.09.2024.

Information about the author:

Kirill S. Efimov, Postgraduate Student of the Department of General and Finno-Ugric Linguistics, Udmurt State University (1 University St., Izhevsk 426034, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2220-2706>, SPIN-code: **9550-3913**, kirill_udm@vk.com

Author has read and approved the final manuscript.

Submitted 05.08.2024; revised 23.09.2024; accepted 30.09.2024.